

Предисловие «Полки»

*Первое русское публицистическое произведение —
книга крупного чиновника, который проехал
600 верст и стал диссидентом.*

*Каталог российского бесправия и укор высшей
власти, за который Радищев отправился
в Сибирь.*

Варвара Бабицкая

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Рассказчик, чувствительный русский дворянин с европейским образованием и либеральными воззрениями, едет на перекладных из Петербурга в Москву, по пути наблюдая неприглядную жизнь Российской империи: бесчеловечность крепостного права, коррупцию чиновников, воровские махинации купцов и слепоту монархии, которой его записки должны раскрыть глаза. Первое художественное произведение в истории русской литературы, за которое автор был сослан в Сибирь.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Радищев начинал свою главную книгу постепенно — с отдельных очерков, которые позже войдут в состав «Путешествия». Большая ее часть создана во второй половине 1780-х годов. Наиболее радикальные главы — «Медное» (о продаже крепостных с публичного торга), «Торжок» (о цензуре) и др. — были написаны в 1785–1786 годы. В том же 1786 году появляется очерк о безразличном «начальнике», которого подчиненные в минуту крайней необходимости боятся разбудить, подвергая тем самым путников смертельной опасности («Чудово»). «Слово о Ломоносове» писалось с 1780 по 1788 год.

Радищев утверждал, что рукопись «Путешествия» была полностью готова к концу 1788 года. Но это, очевидно, не так, поскольку в «Кратком повествовании

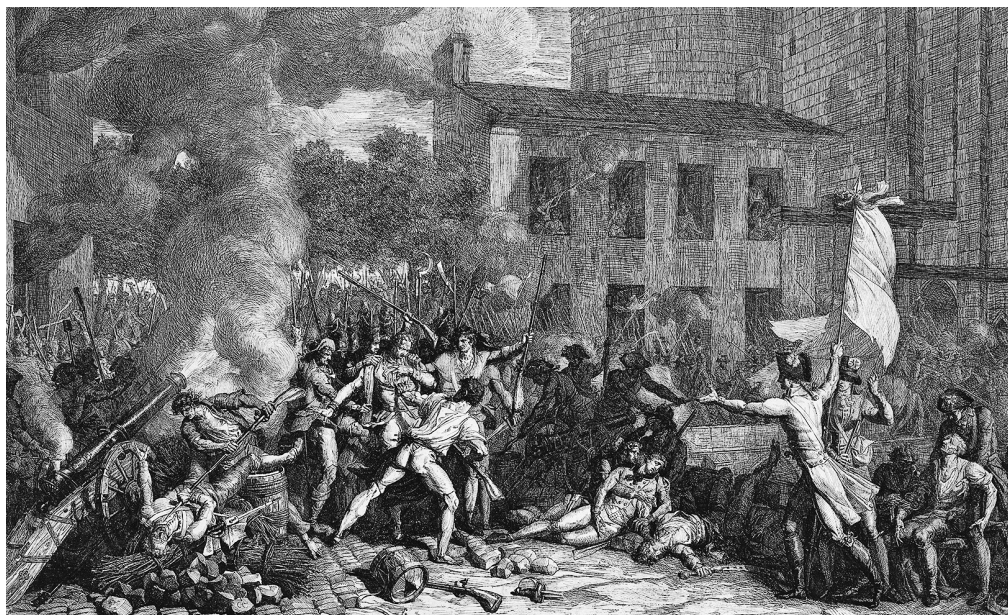
о происхождении цензуры» автор упоминает известие, полученное из революционной Франции: «...Мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания». Речь здесь идет о памфлете, тайно изданном Маратом в 1790 году. Известно, что писатель дополнял свою книгу уже после прохождения цензуры, перед печатью, в 1790 году. Важно, однако, что, создавая «Путешествие» в годы, предшествовавшие Великой французской революции, которая сильно изменила российский политический климат, автор, вероятно, не предвидел остроты реакции со стороны Екатерины II.

Радищев в эти годы служил чиновником, а затем и директором Петербургской таможни. Он пользовался доверием и дружбой своего начальника графа Александра Воронцова, президента Коммерц-коллегии^{*1}, и мог достичь высоких степеней, но публикация «Путешествия», повлекшая за собой десятилетнюю сибирскую ссылку, положила конец его карьере.

КАК ОНА НАПИСАНА?

«Путешествие» разбито на главы, названные по почтовым станциям, где рассказчик меняет лошадей. Единого сюжета в книге нет: структура, позаимствованная из сверхпопулярного «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна, позволяет

^{*1} Правительственное учреждение, занимавшееся вопросами торговли. Было основано Петром I, упразднено в 20-х годах XIX века вместе с преобразованием министерств.

Шарль Тевенен. Взятие Бастилии. 1793 год

рассказчику делать экскурсии в историю, нравы и обычаи проезжаемых мест, а по дороге предаваться философским размышлениям об устройстве государства, законе и нравственности, на которые наводят его всё новые впечатления и встречи. Часть таких рассуждений передана другим персонажам. Друзья и незнакомцы, которых встречает рассказчик, изливают ему свои мысли и печали и прямо-таки сорят важными бумагами, которые образуют чисто публицистические вставки в ткани художественного повествования. Ритуальные шутки о смене лошадей завершают многие главы, играя роль связок между разнородными кусками.

Характерный прием — постоянные обращения к читателю и шутки с ним («Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось,

что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо»), а также, например, фразы, оборванные на полуслове.

Как отмечают¹ Петр Вайль и Александр Генис, такой прием взят у Стерна, чья книга заканчивается словами: «Так что, когда я протянул руку, я схватил горничную за...» Похожим образом Радищев заканчивает главу «Едрово»: «Всяк пляшет, да не как скоморох, — повторил я, наклоняясь и, подняв, развертывая...» Конечно, радищевский герой горничных ни за какие части не хватает (напротив, сексуальное насилие над крестьянками и горничными гневно осуждает). Вместо фривольностей за оборванной фразой следует пространный проект уничтожения рабства в России, найденный в грязи у почтовой избы. Радищев одновременно

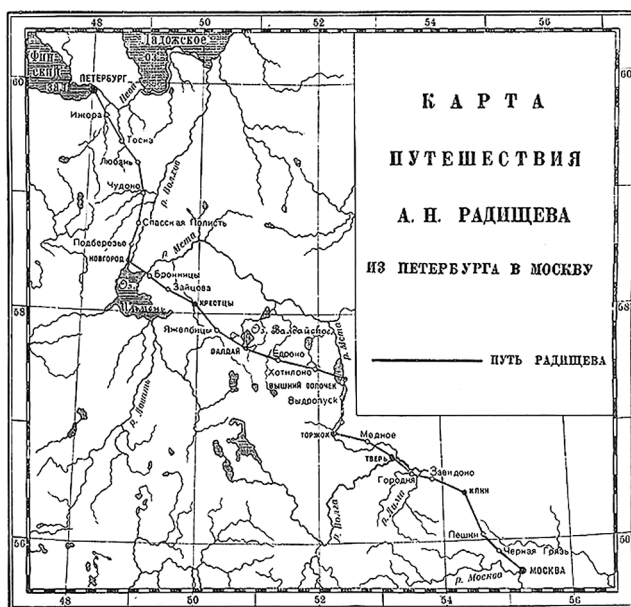
заимствует у Стерна комический прием и иронизирует над ним — легкую, развлекательную форму путевых заметок сам он наполняет серьезным политическим содержанием.

Этот литературный гибрид порождает особый стиль: обыденная разговорная речь разных сословий в бытовых зарисовках и диалогах сменяется тяжеловесным, архаическим, наполненным старославянизмами слогом публицистических кусков. Исследовательница Ольга Елисеева предположила, что этот неудобочитаемый язык — результат сознательного эксперимента над русской словесностью²:

Мучительностью и корявостью языка писатель старался передать материальную

грубость мира, тяжесть окружающей его жизни, где нет места ничему легкому и простому. Радищев добивался плотной осязаемости своих слов. Он пытался посредством невообразимо трудного стиля задеть, поцарапать читателя, обратить его внимание на смысл написанного. <...> Его интересовали необычные, неудобные языковые формы, длиннейшие предложения и обороты. Он пожертвовал внятным разговорным и письменным русским ради создания особого стиля. Намеренная архаизация стала барьером для понимания текстов Радищева.

Читатели в большинстве своем эксперимента не оценили.

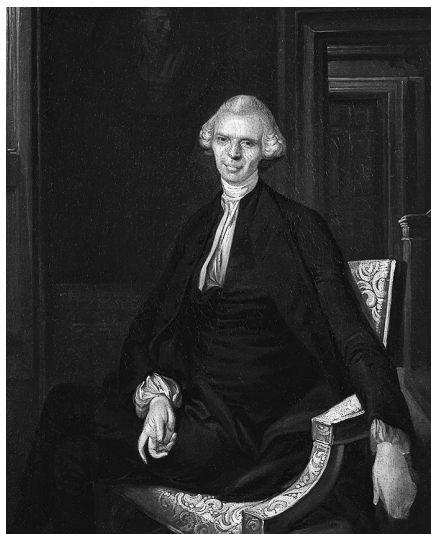
Карта путешествия Радищева из Петербурга в Москву

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Первый и главный свой источник Радищев указал на следствии: «Первая мысль написать книгу в сей форме пришла мне, читая путешествие Йорика^{*1}; я так ее и начал. Продолжая ее, на мысль мне пришли многие случаи, о которых я слыхивал, и, дабы не много рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию».

С содержательной стороны главный источник влияния — французские просветители. Екатерина Великая сразу отметила, что автор «заражен французским заблуждением», Пушкин позднее отметил: «...В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота^{*2} и Реналья^{*3}; но всё в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале».

На тему своей вторичности Радищев иронизирует в «Путешествии»: «Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо». Но на самом деле в воровстве его не обвинишь — в своей книге Радищев щедро и добросовестно ссылается на источники, как истинный энциклопедист. Рассуждая, скажем, о российской судебной системе, он упоминает авторов, знание которых судебскими могло бы ее значительно улучшить: «Если бы привести примеры

Неизвестный художник.
Лоренс Стерн. Структура повести
позаимствована из «Сентиментального
путешествия» Лоренса Стерна

из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций^{*4}, Монтескью^{*5}, Блекстон^{*6}!» Говоря о свободе слова, он приводит пространную цитату из диссертации Иоганна Готфрида Гердера «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» (1778). Важный предшественник Радищева в его осуждении рабства — Гийом Рейналь, автор «Истории обеих Индий». Его взгляды на свободу личности и разумные основания нравственности сложились под большим влиянием философа-материалиста

^{*1} Имеется в виду «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна.

^{*2} То есть Дени Дидро.

^{*3} То есть Гийом Тома Рейналь.

^{*4} Гуго Гроций (1583–1645) — голландский юрист, государственный деятель, драматург и поэт.

^{*5} То есть Шарль де Монтескье.

^{*6} Уильям Блекстон (1723–1780) — британский юрист, философ и адвокат.

Гельвеция. Наконец, Жан-Жак Руссо Радищев обязан идеями социального равенства и близости к природе.

Кроме того, Радищев вдохновляется трагедией британца Аддисона «Катон», где описана борьба римлян-республиканцев против диктатуры Юлия Цезаря, а главный герой становится для него важной ролевой моделью.

Античные авторы имели для Радищева большое значение — подробнее он отзывается о них в автобиографическом произведении «Житие Фёдора Васильевича Ушакова», где, отвергая Вергилия («льстец Августов») и Горация («лизорук Меценатов»), отдает предпочтение республиканцу Цицерону, «гремящему против Катилины», и «колкому сатирику, не щадящему Нерона», — то есть предположительно Петронию, в чьем «Сатириконе» император был выведен в образе разгульного вольноотпущенника Трималхиона.

Что до чувствительности — ей радищевского героя научил Гёте, на что автор прямо указывает: «Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Сколько сердце оно обновляет и оно чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером...»

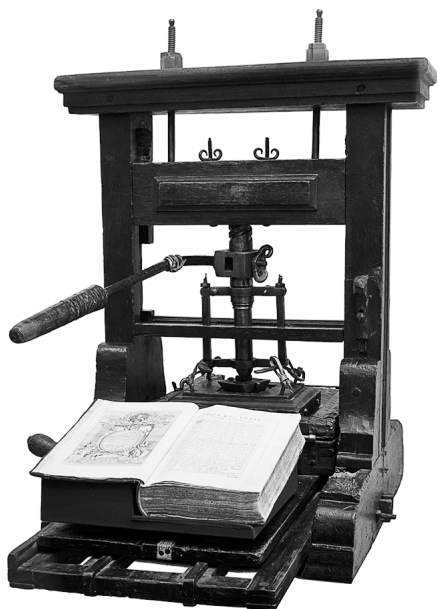
Источником сведений об устройстве разных областей жизни и экономики, в том числе теневой, стала для писателя служба: в молодости как протоколист в первом департаменте Сената он составлял экстракты всех разбиравшихся дел, читал рапорты губернаторов об урожаях, торговле, побегах крестьян, бунтах, болезнях и смертности населения; челобитные давали ему представление о разных злоупотреблениях

и преступлениях чиновников, судей, помещиков: «Российская империя раскрылась для него не с парадного, но с черного хода»³. Перейдя в мае 1773 года на должность обер-аудитора (юриста) в штаб командующего Финляндской дивизией генерал-аншефа Якова Брюса, Радищев имел возможность познакомиться с жизнью армии; в 1777 году будущий писатель поступил на должность в Коммерц-коллегию, решавшую все вопросы торговли, а затем в Петербургскую таможенную. Отсюда его познания в вексельном праве, в уловках, позволявших дворянам продавать крестьян незаконно, и проч.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Сперва Радищев попытался опубликовать книгу в Москве. Однако «Путешествие» не пропустил цензор, более того — типографщик, которому он хотел отдать рукопись, отказался печатать крамолу. Тогда Радищев решил завести свою типографию. Такую возможность давал ему указ 1783 года, позволявший создание «вольных» типографий. Радищев купил типографский станок и напечатал книгу у себя дома с помощью служащих Петербургской таможни и крепостных своего отца. Однако книге еще предстояло пройти цензуру в петербургской Управе благочиния, и на сей раз Радищев, на удивление, не встретил препятствий.

22 июля 1789 года обер-полицеймейстер Никита Рылеев (известный, по отзыву одного мемуариста, «превыспреннейшей глупостью своею») пропустил книгу, просто ее не прочитав.

Печатный станок. Россия. 1711 год

В сентябре того же года Радищев представил в Управу рукопись «Слова похвального Ломоносову», которое сперва предполагал издать отдельно, но затем включил в состав «Путешествия». Вообще, состав книги менялся уже и после цензуры, что особенно ставила в вину писателю Екатерина II, воспринявшая это как лживый поступок.

В мае 1790 года книга была отправлена книготорговцу Зотову. Тираж составлял «не более как шестьсот сорок или пятьдесят экземпляров». Судьба этого тиража была печальна: около 600 экземпляров «не сдвинулось с места», то есть были уничтожены автором в ожидании обыска и ареста. Всего 26 экземпляров поступило в продажу, а несколько Радищев разослал

знакомым. В настоящее время известно лишь 13 типографских экземпляров первого издания «Путешествия».

Второго пришествия радищевской книге пришлось ждать полвека. 15 апреля 1858 года в Лондоне в 13-м номере газеты «Колокол» (русском «тамиздатовском» печатном органе Герцена и Огарёва) появилось объявление о готовящемся издании: «Печатается Князь М. М. Щербатов и А. Радищев (из Екатерининского века). Издание Трюбнера с предисловием Искандера^{*1}». Как отмечает⁴ Натан Эйдельман, показательно, что Александр Николаевич Радищев обозначен в этом объявлении только одним инициалом: по всей видимости, Герцен и Огарёв не знали его отчества, а для читателя сочли необходимым пояснить: «Из Екатерининского века». «О повреждении нравов в России» князя М. М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева» вышли вскоре под одной обложкой.

Первую попытку переиздать Радищева в России предпринял в 1868 году петербургский книгопродавец Шигин. Книга «Радищев и его книга “Путешествие из Петербурга в Москву”» включала фрагменты собственно «Путешествия», но в таком покалеченном виде, что их даже цензура пропустила. Эту публикацию заметил только Герцен, посвятивший событию приветственную статью «Наши великие покойники начинают возвращаться», но главное — она стала поводом к формальной отмене запрещения, о чем высочайшим повелением был извещен Петербургский цензурный комитет — с указанием, чтоб «новые издания сего

^{*1} Псевдоним Александра Герцена.

сочинения подлежали общим правилам действующих узаконений о печати». Обладованный библиограф, издатель и литературовед Петр Ефремов в 1872 году издал двухтомное собрание сочинений Радищева, в который включил и текст «Путешествия» с документальными приложениями. Но на это издание немедленно был наложен арест, не помогли даже определенные смягчения и купюры, сделанные Ефремовым; цензор отметил: «Так как некоторые из принципов, порицаемых автором, еще и ныне составляют основу нашего государственного и социального быта, то я полагаю неудобным допустить эту книгу к обращению в публике в настоящем ее виде частью потому, что она может возбуждать к своему содержанию сочувствие в легкомысленных людях, частью — служить удобным прецедентом для горячих и неблагонамеренных публицистов, которые не затруднятся провозгласить Радищева мучеником за его гуманные утопии, жертвою произвола и попытаются подражать ему»⁵.

Наконец в 1888 году издатель Алексей Суворин благодаря личным связям добился позволения издать «Путешествие из Петербурга в Москву» — правда, исключительно «для знатоков и любителей», тиражом всего в 100 экземпляров, которые было предписано продавать за 25 рублей (то есть по цене, запретительной для широкого читателя). Суворин нашел первое издание и воспроизвел текст 1790 года «из строки в строку, из буквы в букву, приблизительно с таким же шрифтом, со всеми опечатками подлинника»⁶.

Лишь в 1905 году появилось первое научное и полное издание «Путешествия» под редакцией Николая Павлова-Сильванского

и Павла Щеголева. Годом позже появилось сразу пять изданий «Путешествия», и еще три — в 1907 году.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Поскольку почти весь тираж «Путешествия» был в ожидании ареста уничтожен Радищевым или конфискован, широкой реакции на книгу не последовало. Редкие ее первые читатели восприняли «Путешествие» именно и только как политический манифест. Можно привести типичную реакцию графа Безбородко, писавшего в частном письме:

...Здесь по уголовной палате производится ныне примечания достойный суд. Радищев, советник таможенный, несмотря, что у него и так было дел много, которые он, правду сказать, и правил изрядно и бескорыстно, вздумал лишние часы посвятить на мудрования: заразившись, как видно, Франциею, выдал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненную защитою крестьян, заревавших помещиков, проповедию равенства и почти бунта противу помещиков, неуважения к начальникам, внес много язвительного и, наконец, неистовым образом впутал оду, где излился на царей и хвалил Кромвеля... Всего смешнее, что шалун Никита Рылеев цензировал сию книгу, не читав, и, удовольствовавшись титулом, подписал свое благословение. Книга сия начала входить в моду у многой шали, по счастью, скоро ее узнали...

«Узнали» — то есть власти узнали о существовании книги и изъяли ее из оборота.

Мнение «шали», то есть людей, действительно передававших «Путешествие» из рук в руки и делавших списки, осталось по большей части неизвестным. Публику больше занимала судьба автора, которую, надо сказать, оплакивали все, от вельмож до купцов на Бирже, считая приговор несправедливым и жестоким. Примечательна, однако, реакция Гаврилы Державина — одного из тех людей, которому Радищев послал «Путешествие». Державину приписывается следующая эпиграмма:

Езда твоя в Москву со истинною сходна,

Некстати лишь смела, дерзка и сумасбродна,

*Я слышу: «На коней, — кричит ямщик. —
Вирь, вирь».*

Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.

Как писал с горечью сын писателя Павел Радищев, «это писал человек, хвалившийся, что он “горяч, в правде черт”».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

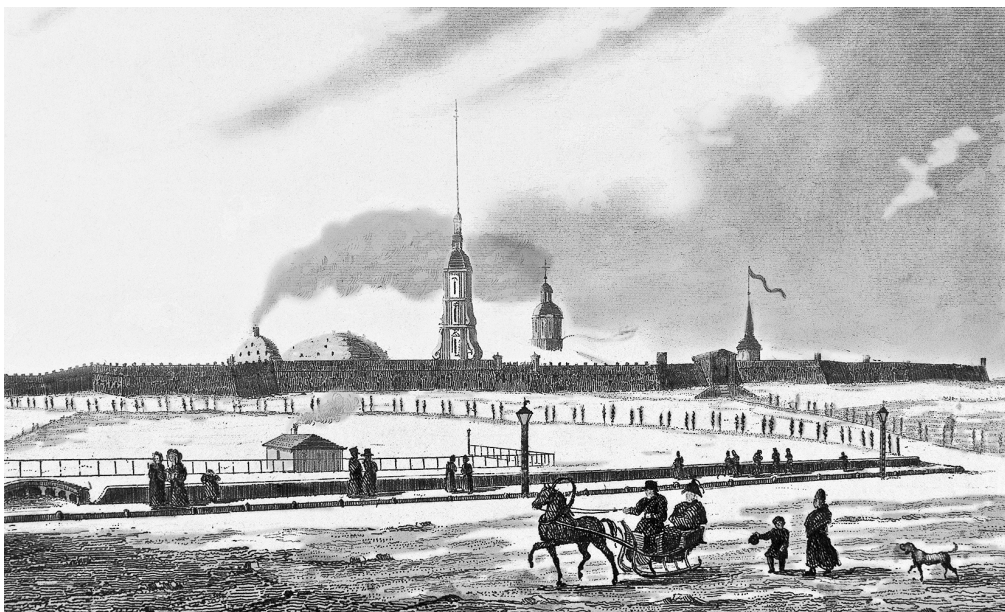
Вскоре после выхода «Путешествия» экземпляр попал в руки Екатерине II, которая прочитала его с большим вниманием, возмутилась и распорядилась начать следствие. Хотя книгу свою Радищев напечатал анонимно, авторство его раскрылось почти сразу. Уже в своих комментариях к «Путешествию» императрица указывает: «...Упоминает о знании: что я имел случай по щастию моему узнать. Кажется сие знание в Лейпцих получано, и доводит

до подозрение на господ Радищева и Щелищева: паче же буде у них заведено типография в доме, как сказывают». Она, очевидно, узнала склад мыслей и круг источников, поскольку знала Радищева и Петра Челищева («Щелищева»), бывших некогда ее пажами, а затем отправленных ею за образованием в Лейпциг (людей с европейским образованием было в Петербурге совсем немного); но очевидно, что и слухи уже ходили по городу.

Радищев был посажен в Петропавловскую крепость, допрошен следователем Степаном Шешковским (начальником Тайной экспедиции, который в свое время вел дело Пугачева) и после суда приговорен к смертной казни Государственным советом. По случаю заключения мира в войне со Швецией Екатерина отменила смертный приговор, заменив его ссылкой в сибирский Илимск. Павел I, взойдя на престол, вернул ссылку писателя с предписанием жить в его селе Немцове, а амнистировал его только Александр I.

«Путешествие из Петербурга в Москву» осталось почти неизвестным и сделалось библиографической редкостью, хотя и ходило в списках. В 1836 году вернуть имя Радищева русской литературе решил Александр Пушкин, который за 200 рублей приобрел экземпляр, хранившийся в Тайной канцелярии, и написал о Радищеве статью для своего журнала «Современник»; несмотря на ее резко критический характер, в печать она пропущена не была.

Демократическая критика середины XIX века упоминает Радищева скупо — Добролюбов в статье «Русская сатира в век Екатерины» (1859) отметил: «Книга

Петропавловская крепость. Гравюра XIX века

Радищева составляла едва ли не единственное исключение в ряду литературных явлений того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, против нее и можно было употребить столь сильные меры. Впрочем, если бы этих мер и не было, все-таки «Путешествие из Петербурга в Москву» осталось бы явлением исключительным и за автором его последовали бы, до конечных его результатов, разве весьма немногие»⁷. Николай Чернышевский в десятом номере «Современника» за 1860 год замечает, что в XVIII веке «Новиков*¹, Радищев, еще, быть может, несколько человек одни только имели... то,

что называется ныне убеждением или образом мыслей».

Еще и в 1907 году Евгений Соловьёв, автор «Очерков из истории русской литературы XIX века», писал: «Книга Радищева... не сыграла и не могла сыграть непосредственно роли в истории нашего умственного развития, потому что публика не знала и еще до сих пор (то есть через 100 лет после смерти автора и 110 по выходе книги) не знает ее». В 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» Ленин упомянул Радищева как родоначальника русского освободительного движения — ему наследовали

*¹ Николай Иванович Новиков (1744–1818) — журналист, издатель. Издавал сатирические журналы «Трутень», «Живописец», «Кошелек» — все они были закрыты по распоряжению власти. Основал в Москве свою «Типографическую компанию», публиковал старинные летописи и исторические памятники в серии «Древняя Российская Вивлиофика». В 1792 году Новикова арестовали и заключили в Шлиссельбургскую крепость, через четыре года он был освобожден Павлом I.